

ОЛЕГ МОРЯНИН

Каффа

Книга четвертая

ПАЛ Ъ МИ РА
Т8 ИЗДАТЕЛЬСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ

Москва / Санкт-Петербург

2 0 2 4

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6
М80

Морянин, О.

М80 Каффа : Книга четвертая : [роман] / Олег Морянин. — М. ;
СПб. : «Т8 Издательские Технологии» / «Пальмира», 2024. —
350 с. — (Серия «Хроники Каффы»).

ISBN 978-5-517-10905-7

Продолжение истории молодого синьора Антонио из генуэзского дома дель Франко, покинувшего родную Геную и отправившегося на службу в газарийские колонии. После долгих поисков герой находит пропавшую возлюбленную, однако судьба готовит для него новые испытания. Череду драматических и опасных событий вызывает к рыцарской доблести Антонио: ему предстоит заступиться за угнетенных и спасти единоверцев, а также примерить на себя важную роль орденского посланника.

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6

ISBN 978-5-517-10905-7

© Морянин О., 2024
© Оформление.
АО «Т8 Издательские Технологии», 2024

I

HUMILITAS¹

¹ Смирение (*лат.*).

Перед падением возносится сердце человека,
а смирение предшествует славе.

Пр. 18:12

Северное неторопливое солнце просыпается поздно. Тогда как здешний торговый люд, собственной деловитостью и суетой, а также краткостью дня, принуждён к расторопности. Посему жизнь Великого Нового Города начиналась рано утром, далеко ещё затемно.

Серо-голубое свечение небес едва наполнило тусклые оконца моей комнаты, а за ними вовсю уже шумели голоса, колёса, полозья и подковы.

Вытянув дымную нить, угасла растаявшая в глиняной плошке свеча...

Сегодняшний день я встретил в состоянии совершенно разбитом и потерянном. Силы и духа моего, и тела, казалось, совершенно иссякли под гнётом обстоятельств, которые судьба вновь приготовила мне в испытание.

Вчера поздно ночью, выслушав Данилу, я отправил его спать, хотя тот настойчиво желал и далее составлять мне общество. Я, однако, должен был побыть один. Несмотря на его советы, к вину я так и не прикоснулся...

Появление русича, которое я с таким нетерпением и надеждой ожидал, принесло с собой лишь известие об очередном ударе рока.

Что ж... Милана теперь и на самом деле была в Новгороде. В Георгиевском монастыре. Была жива и, покровительством Пресвятой Мадонны, здорова. Останется она здесь, по-видимому, надолго. А может быть, даже и навсегда. Лик её при этом был твёрдо обращён в сторону Христова Света, а путь её по-прежнему лежал к истовому служению Господу. И, по мнению Данилы, в мире не найдётся таких сил, которые смогли бы отвратить её от благочестивых сиих помыслов.

Ко всему, как оказалось, в богомольский обоз раненым попал давнишний знакомый Миланы, молодой солдайский купец, русич по имени Некомат. Мне о нём, как о человеке, упорно и долго добивавшемся расположения Миланы и говорившем с её дядей о женитьбе, ещё в Каффе рассказывала тётушка Добромила. Теперь оказалось, что Некомат этот был ограблен в дороге разбойниками и едва не убит.

Милана же на всём пути с особым усердием ухаживала за раненым.

Даже пребывая в сильном смятении от услышанного, я вдруг смог осознать, что Некомат этот должно быть не кто иной, как владелец отбитого нами у разбойников товара. Тот самый владелец бордовых кошельей с буквой «Н», конечно, означающей его имя на языке русичей.

А ещё там были изображения сердца и стрелы... что, интересно, означали эти символы и кем они были вышиты?

Каким всё-таки удивительным... каким невероятным образом сложила свою мозаику дорожная судьба, вплетя в замысловатый свой узор всех и вся!

Нет, мне решительно было бы трудно поверить в подобную историю, будь она рассказана кем-то другим.

Сидя в своей комнате за столом, я с трудом пытался разобраться в происходящем и определиться с дальнейшими своими действиями.

Твёрдое монашеское устремление моей любимой и возвращение в её жизнь Некомата, конечно, представляли собой явления несовместимые, при этом оба они одинаково направляли острие судьбы против меня...

Я услышал, как к дверям подошёл Баджгур. Он, как всегда в это время, постучал и осторожно окликнул меня.

— Потом, — ответил я негромко и коротко.

— Синьор Антонио, — повторил за дверью зих, по-видимому, не слышав.

— Потом, — пришлось мне отвечать уже гораздо громче и раздражённое.

Потоптавшись и пробормотав что-то неразборчивое, слуга ушёл.

Несомненным было лишь то, что мне следует теперь же отправиться в упомянутую обитель и ещё раз попытаться объясниться с Миланой.

Объясниться...

Надо сказать, что никакими достойными доводами и основаниями, кажушимися мне истинно убедительными, я, увы, не располагал. С трудом отложив в сторону горячность и страсть, я примерял грядущий разговор и так, и эдак. Однако во всяком из случаев мне виделась лишь смехотворная смесь упрямства и нелепой навязчивости, извинением которой могло послужить лишь неукротимое чувство любви, а также дорожные тяготы, преодоленные мною в поисках желанного прощения.

* * *

В довольно обширном и людном монастыре, прославляющем имя Святого Георгия, я прежде не бывал. Располагался он, вопреки моим расчётам и ожиданиям, не в северной или восточной, а в южной стороне.

В небольшом отдалении от города, на берегу реки, неподалёку от озера Ильмень, откуда та и начинала свой бег. Извилистый путь к монастырю лежал по краю замёрзших болот и речных затоков, из-под льда которых торчали серые заросли ивы и камыша, пригибающиеся под порывами ветра. День обещал быть студёным.

Мы с Данилой достигли обители ближе к обеду, в достойной собранности и без спешки. На подворье по уговору русич зашёл один. Я остался у ворот, и ждать мне пришлось недолго. Вскоре ушкуйник вернулся, и рядом с ним, спокойно о чём-то беседуя, шла облачённая всё в то же серое одеяние и чёрный плат Милана, зябко кутавшаяся в чёрную же войлочную накидку.

Данила вышел с ней за ворота, прямо передо мной, ловко перехватил наших лошадей и отошёл далеко в сторону.

Милана остановилась и смотрела на меня со странной улыбкой, немного хмурясь от колючего ветра.

Она как будто совершенно не была удивлена этим свиданием. На лице моей любимой было написано то нарочито радостное недоумение, с которым снова встречают неопозволительно задержавшегося гостя, с трудом выпровоженного, но вернувшегося, скажем, за плащом или оставленной шляпой.

— Это вы? — на латыни запросто спросила она так, словно мы расстались только вчера. — Здравствуйте. Зачем вы здесь?

Несмотря на огромное желание обнять любимую или хотя бы прикоснуться к ней, я заставлял себя оставаться в шаге от неё. Напряжение бессонной ночи и нынешнее избыточное сосредоточение бросили меня в жар, а вместе с ним и в дрожь.

Для оправдания я, конечно, предпочёл бы иное место, но, будучи готовым к внезапному возникновению препятствий и краткости наших свиданий, я решил избежать всяческой картинности и поторопиться с извинительными объяснениями.

— Милана, послушай, — начал я без дальних предисловий, — я совершил незаслуживающую снисхождения ошибку, в которой, поверь, раскаиваюсь бесконечно. Той проклятой весной Враг человеческий обставил всё таким образом, что гордыня моя поглотила прочие чувства. Это был какой-то морок... да, какое-то слепое наваждение. Всё... всё вокруг склоняло к уверенности в том, что ты отвернулась от меня и... Вина моя может казаться тебе непростительной, но с тех пор я иду по пути искупления, и полноту его можешь оценить только ты.

Милана слушала внимательно и серьёзно, немного нахмурившись. Казалось, она не совсем меня понимает.

— Я смею быть уверенным в том, что чувства твои не погибли... что поступок мой всё же не убил их, — торопливо продолжал я, — и прошу... я прошу тебя дать мне шанс доказать и преданность свою, и любовь. Ведь всё можно исправить... Я верю. Знаю... Поверь мне.

Моя любимая изменилась даже со времён нашего последнего свидания. Облик её стал как-то острее и резче. Нынче я искал и не находил в этой резкости столь знакомые мне и столь родные черты. Я ждал, что они всё же смягчатся, и я вновь увижу свою прежнюю Милану, но взгляд её так и не потеплел:

— И вы поверьте... — заговорила она, неспешно и тщательно подбирая слова, в которых не слышалось ни капли горячности или увлечённости, — поверьте, что навсегда останетесь для меня очень близким человеком... во многом даже более близким, чем ранее, но видеться нам более не нужно. И вам совсем не следовало сюда приходить. Ни к чему это, поймите...

В голосе Миланы не было ни горечи, ни обиды. В нём не было ничего, кроме терпения, жалости и снисходительности. Голос этот не дрожал, и в нём было гораздо меньше чувственного начала, нежели показалось мне в Новгороде Низовском.

Если бы я сейчас, как при первой нашей встрече, решил бы нырнуть в зелень её глаз, то неминуемо расшибся бы к Дьяволу.

Уж лучше бы я расшибся тогда.

Мне вдруг вспомнился погибший во имя любви брат Данилы. Теперь нелёгкий его удел стал мне вдвойне завиден.

— А я молюсь о вас, — успокаивающе завершала моя любимая.

Ветер вдруг с силой подхватил с головы Миланы чёрный платок и пронёс по улице мимо не поспевшего его ухватить Данилы. Милана смутилась, виновато на меня посмотрела и накинула на волосы чёрную войлочную накидку, лежащую у неё на плечах.

Тут любимая неожиданно улыбнулась и погладила меня по плечу. Глаза ей вдруг засветились теплом, жалостью и сочувствием.

— Каждый день молюсь, и я знаю, что Господь слышит меня. Буду молиться и впредь... Спасибо вам за всё и... прощайте. Не приходите больше сюда.

Да. Мне надо было уходить.

— Я тоже молюсь. Буду молиться и впредь, чтобы милость Господа никогда не оставила тебя, — произнёс я напоследок.